

Директриса привела их в кафешку традиционной корейской кухни, который часто посещал и Мун Джун. Из-за того, что он жил один, чаще всего он ел вне дома, не считая завтрака. Мун Джуну нравилось это заведение, так как в нем царил атмосфера обычного домашнего уюта.

Поприветствовав владельца, четверо сели за столик. Им принесли хорошо прожаренную скумбрию, ароматное блюдо из бобовых ростков и соевый суп. Простота блюд была одним из отличий этого заведения.

— Молодым людям это может показаться не очень вкусным.

— Мне нравится обычные блюда. Это вкусно.

Ма Ру держался по-взрослому. Мун Джун смотрел на Ма Ру и думал о нем как о воспитанном ребенке. Большинство детей его возраста, вероятно, чувствовали бы себя неловко в подобной ситуации, но Ма Ру, казалось, привык к подобному: он сидел на своем месте, расслабленно.

Общительная директриса даже убедила владельца кафешки присоединиться к ним за одним столом, и все они начали болтать. Темы разговора были самые разные: шумный район из-за реконструкции, драка в чьем-то доме, увольнение сына из армии в этом году... К моменту окончания трапезы Мун Джун успел послушаться о самых разных больших и малых делах, связанных с этим районом.

— А, директриса. Подойдите сюда. Я приготовил сливовый напиток, принесите и раздайте детям.

Директриса широко улыбнулась и встала в ответ на слова владельца.

— Ребята, продолжайте общаться, — с этими словами она покинула свое место. За столом остались три человека.

Мун Джун заговорил, издавая смех.

— Мне кажется, мы отняли у вас слишком много времени. Я слышал, у вас назначена встреча, все будет хорошо?

— Я уже позвонила им и сказала, что немного задержусь. Честно говоря, директриса каждый раз приглашала нас на обед, и я подумала, что будет грубо и в этот раз отказаться.

Когда она улыбалась, у нее искрились прелестные глаза. Мун Джун вгляделся в улыбку Со Джин, в ее улыбке не было никакой двойственности. Прямое выражение эмоций. Однако было непонятно, как такой человек мог насильно улыбаться перед детьми.

Этого он не мог понять.

Мун Джун продолжил разговор. Обычно он не совал нос в чужие дела, но тут решил подстраховаться, так как речь шла о детях.

— Не могу поверить, что вы присматривали за детьми 10 лет, должно быть, это было нелегко.

— ...Встречи с детьми доставляют мне удовольствие, и это стоит того. Не было ни одного раза, когда бы я думала, что это тяжело.

Небольшое колебание. Мун Джун про себя щелкнул языком, заметив грусть, скрытую в этой короткой паузе: у нее определенно была своя история. Не похоже, чтобы она подходила к детям с нечистыми намерениями, но его беспокоило, что дети могут пострадать из-за неоднозначных намерений, скрытых за добротой, которую она демонстрировала.

Мун Джун считал, что у людей есть два вида обоняния: Один, который чувствует реальные запахи, и другой, который чувствует эмоциональный. Как бы хорошо ни была обернута эта доброта, некоторые из детей обязательно заметят, что в ней скрыта какая-то тьма.

Дети были более чувствительны к таким вещам. Это объяснялось тем, что дети, лишённые способности защитить себя, более внимательно наблюдали за взрослыми. Изменения в выражении их лица, степень напряжения в речи, высота голоса... они подсознательно улавливали изменения в языке тела и речи.

Проблема заключалась в том, что они не могли логически проанализировать эти изменения. Злые и негативные эмоции, которые тайно выражают взрослые, могут быть психологически вредны для этих детей. Тухлая еда источает неприятный запах, как бы хорошо вы ее ни приготовили.

Мун Джун понимал, что это может быть неуместно, но все равно спросил.

— Я могу поговорить с вами наедине? — неторопливо начал Мун Джун. Как ни странно, Ма Ру, сидевший рядом с Со Джин, отодвинул стул и встал.

— Я ненадолго отлучусь.

Мальчик обладал удивительной способностью схватывать все на лету, его интуиция была просто поразительной; он встал, прочитав выражение лиц. Это говорило о его наблюдательности, это точно не совпадение. Мун Джун сузил глаза и смотрел, как Ма Ру покидает заведение. Этот ребенок обладает твердыми убеждениями. Он знал его совсем недолго, но определить это не составляло труда.

— О чем вы хотели поговорить? — спросила Су Джин.

Мун Джун перевел взгляд со входа на Су Джин. Настало время отвлечься от своих мыслей и задать интересующие его вопросы.

— Для начала я хочу извиниться.

— Да?

— Я не испытываю к вам никаких дурных чувств. Я даже благодарен. Я спрашиваю только потому, что меня кое-что беспокоит, так что если вы не хотите обсуждать это, можете просто сказать "нет".

— А, хорошо, — по ее лицу было видно, что она смущена. Мун Джун подождал немного, прежде чем перейти к основной теме.

— Дети в приюте - для меня как родные сыновья и дочери. Поэтому я внимательно наблюдаю за людьми, которые к ним подходят, и вы привлекли мое внимание.

— Что вы имеете в виду?

— Я сразу перейду к делу. Вы действительно делаете это ради детей? Или у вас другая цель? Надеюсь, вы будете честны со мной. Если мои глаза ошиблись, скажите мне. Если нет... мне придется выслушать все, что вы скрываете.

Он подчеркнул последнюю фразу в нарочито властной манере. Возможно, он был излишне насторожен, но шестьдесят пять лет, которые он прожил, показали ему, что быть начеку не вредно. Мун Джун считал, что люди рождаются добрыми, а злыми их делает окружающая среда. К тому же нынешнего мира было более чем достаточно, чтобы превратить человека в злодея. Он не считал, что эта женщина - плохой человек, но беспокоился, что ее чувства к детям не были чистыми.

Он надеялся, что это была ошибка, просто бред старика.

Однако Су Джин смотрела на него с застывшим выражением лица, ее зрачки дрожали.

Она поджала нижнюю губу, и ее плечи, которые еще секунду назад были расслаблены, сжались. Явный признак защиты, а также доказательство того, что она лгала.

— Я могу сказать даже своим невежественным взглядом, что вы не плохой человек, но я не могу отпустить тот факт, что вы проявляете благосклонность к детям не из чисто положительных побуждений.

— Это...

— 10 лет. Очень долгий срок. За это время вы, должно быть, позаботились о многих детях. Я не осуждаю эти действия. Однако вы когда-нибудь задумывались об этом? Вдруг наступит день, когда вы будете играть с детьми, и один чувствительный ребенок уловит вашу темную сторону и пострадает. Конечно, это всего лишь вероятность. Дети могут не понимать таких вещей и не обращать на них внимания.

—

— Но родитель - это человек, который беспокоится даже о самых незначительных вещах. Не могли бы вы рассказать мне о своей ситуации? Почему человек, который 10 лет присматривал за детьми, испытывает такое чувство вины? Почему на вас как будто надета маска?

Девушка опустила голову и положила руки, сжатые в кулак, на ноги. Мун Джун почувствовал к ней жалость. Она была похожа на маленького ребенка, который не знает, что делать после того, как его поймали на лжи.

Мун Джун понял, что она очень привязана к этим детям, но в то же время понимал, что ее что-то сковывает вот уже 10 лет.

Он расслабился и похлопал ее по плечу. Она была добросердечным ребенком. Она могла бы продолжать лгать и все отрицать, но вместо этого она замолчала.

— Мне очень жаль. Я сейчас вернусь, — Су Джин встала. Мун Джун увидел, как в уголках ее глаз собираются слезы, и глубоко вздохнул.

Ма Ру вошел, как только Со Джин ушла, словно ждал этого. Казалось, он видел, как она уходила, прикрыв рот рукой.

— Могу я узнать, что случилось?

— Похоже, я затронул болезненную тему.

— Под болезненной темой вы подразумеваете...

— Похоже, у нее была какая-то неприятная история, и я спросил о ней, но она должно быть довольно непростая. Как такая нежная женщина, как она, может так улыбаться перед детьми?

Ма Ру опустил голову, услышав эти слова, и тоже вышел из кафешки. Через некоторое время он вернулся один.

— Прежде всего, я хотел бы извиниться за то, что вмешиваюсь. Но не думаю, что она в состоянии говорить.

— Да.

— На самом деле, я тоже хотел поговорить с ней о кое-чем сегодня. Я рассказываю вам об этом, получив от нее разрешение. У нее есть младший брат.

— Младший брат?

— Да. Младший брат с довольно большой разницей в возрасте, но я слышал, что в юности он попал в аварию по ее вине.

— О боже, должно быть, это был тяжелый случай.

— Да, до такой степени, что ему пришлось жить повседневной жизнью, проходя реабилитацию, пока ему не исполнилось десять лет. Сейчас проблем нет, потому что он упорно лечился и регулярно занимался спортом, но после того случая отношения между ними стали натянутыми.

— Неужели она избегает младшего брата?...

— Вы правильно догадались. Она не разговаривала с ним последние 10 лет из-за чувства вины. Школьная жизнь ее брата пошла под откос, потому что ему пришлось пройти курс лечения и он не смог адаптироваться. Дети невинны, но, несмотря на это, они могут иметь и страшную сторону.

Мун Джун кивнул головой на эти слова. Было очевидно, что если собрать 40-50 детей в одном классе, то возникнут проблемы. Особенно если среди них будет ребенок с недостатками тела, вызванными лечением... над ним наверняка будут потешаться. Иногда это издевательство могло стать ужасным до такой степени, что взрослые и представить себе не могут. Поскольку дети так легкомысленны, они часто не уважают никаких границ. Дети могут легко переступить черту, которую не следует переступать.

— Может быть, это из-за того, как с ним обращались другие дети, но когда он окончил начальную школу и стал здоровым, он сбился с пути. Возможно, он понял, что нужно быть грубым, чтобы с тобой обращались по-человечески. К счастью, сейчас он исправился.

— Он пережил неприятное общество, когда был маленьким, похоже, ты знаком с этим младшим братом.

— Я учусь с ним в одном классе, он мой друг.

Так вот почему он знает подробности. Мун Джун продолжал наблюдать за Ма Ру, который спокойно говорил правду.

— Не так давно я узнал правду от своего друга, а также узнал, что у него на сердце. Это правда, что он ненавидит свою сестру, которая тогда стала причиной аварии, но еще больше он осуждает то, что она не связывалась с ним на протяжении последних 10 лет. Кажется, недавно они встретились друг с другом, но то, как это произошло, ему не нравилось.

— Вероятно, она не лично попросила о встрече.

— Как вы...

— Если собрать воедино то, что я услышал, то можно понять и другие вещи. Ясно, вот значит, что это было. Причина чувства вины была в этом.

Так вот почему у нее были такие глаза, когда она смотрела на детей. И почему, несмотря на такие глаза, она работала волонтером. Мун Джун понимал Су Джин. Для нее посещение детских приютов служило формой покаяния. Она могла получить утешение, ухаживая за детьми и делая то, что не могла сделать для своего младшего брата.

— Все не так просто, как кажется.

Все началось с избегания. Поначалу это может помочь, но рано или поздно она сломается. Спрятанные эмоции в конце концов выйдут из-под контроля.

— Я хочу предложить помощь, но поскольку ситуация не простая, я, честно говоря, не уверен, что мне следует делать. Кроме того, мы давно не виделись, так что мне тоже нелегко поднимать эту тему. Я не могу бездумно вторгаться в ее чувства, они копились последние 10 лет, в конце концов.

В каждом его слове чувствовалось глубокое беспокойство. Хотя Мун Джин не знал, что чувствует по этому поводу Ма Ру, но было ясно, что он рациональный ребенок. Мун Джун кивнул. Это была неприятная ситуация. Но это не та проблема, которую можно вот так просто оставить без внимания. Ни детям, ни девушке не пойдет на пользу, если они будут продолжать отношения с такими искаженными чувствами.

— Похоже ли, что твой друг испытывает отвращение к этой женщине?

— Нет. Это не так. Когда мой друг рассказывал мне обо всем, он также сказал, что сам не уверен в том, что ему делать. Я не уверен, хочет ли он помириться с сестрой или продолжает злиться на нее.

— Это стало проблемой, потому что им так и не удалось поговорить как следует. В такой ситуации лучшее решение - это разговор.

— Но один боится встречи, а другой избегает ее...

— Ну, намерения людей можно выразить не только голосом.

Су Джин вошла как раз вовремя. Ее веки были красными. Мун Джун почувствовал себя неловко и быстро извинился.

— Все в порядке. Я знала, что поступаю неправильно, но не могла остановиться, несмотря на это. Мое сердце не успокоилось бы, если бы я не сделала этого.

— Я понимаю. Но это не то, что можно постоянно откладывать, — Мун Джун посмотрел на лицо Су Джин. — Может, попробуете последовать совету несносного старика?

* *

— Прости, что попросила тебя.

— Не стоит. Скорее, ты действительно в порядке?

— Как и сказал тот дедушка, я не могу продолжать избегать этого.

Ма Ру кивнул, закрывая дверь машины. Красный седан заскрипел, исчезая из виду.

— Письмо.

Ма Ру посмотрел на письмо, которое держал в руках. Совет пожилого мужчины был прост. Он заключался в том, чтобы написать все, что она хотела сказать. Но при этом он подчеркнул, что она не должна ничего скрывать. Су Джин прислушалась к этим словам и долго писала. В конверте оказалось письмо на 11 страниц. Но и этого оказалось недостаточно, и Су Джин отправилась домой, сказав, что подготовит еще.

— Надеюсь, это поможет.

До Ук определенно чувствовал ненависть к сестре. Но в то же время не было похоже, что он не хочет ее больше видеть. Если бы он действительно презирал ее, то не стал бы держать себя в руках и горевать в тот день в Мёндоне.

Не исключено, что он тоже ищет решение. Ма Ру надеялся, что это письмо сломает стену эмоций между ними.

Достав телефон, он посмотрел на новый контакт, который был зарегистрирован сегодня. Юн Мун Джун. Пожилой мужчина дал свой личный номер и попросил сообщить ему о результатах.

— Юн Мун Джун.... — это имя показалось ему знакомым. Ма Ру почесал брови, собираясь домой.

<http://tl.rulate.ru/book/96861/3472262>